

А.И. Деникин
А.А. фон Лампе

ТРАГЕДИЯ БЕЛОЙ АРМИИ

А. И. ДЕНИКИН

**КТО СПАС
СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ
ОТ ГИБЕЛИ**

А. А. фон ЛАМПЕ

**ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ
ВООРУЖЕННОГО
ВЫСТУПЛЕНИЯ
БЕЛЫХ**

Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив»

Москва
1991

Печатается по изданиям:

Генерал А. И. Деникин.

Кто спас Советскую власть от гибели.

Париж, изд. Союза Добровольцев, 1937.

А. А. фон Лампе.

Причины неудачи вооруженного выступления белых.

Отд. отт. из журнала «Русский Колокол», кн. 6 и 7,

Берлин, 1929.

А. И. ДЕНИКИН
КТО СПАС СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ
ОТ ГИБЕЛИ

В 1917—1920 годах на востоке Европы происходили события грозные и кровавые, решавшие судьбы России и Польши. Одна из страниц этого прошлого, наиболее темная и, может быть, наиболее трагическая по своим результатам, только в последние дни получила окончательное разъяснение. Я разумею роль Польши в противобольшевистской борьбе армий Юга России, мною некогда предводимых.

История моих взаимоотношений с маршалом Пилсудским была освещена мною еще в 1926 году в V-м томе моего труда «Очерки Русской Смуты». Но в Польше, по желанию Пилсудского, на эти темные страницы прошлого до самой его смерти наложен был запрет. Только теперь бывшие сотрудники маршала — генералы Галлер (бывш. начальник генерального штаба) и Кутшеба (бывш. начальник отдела оперативных планов) напечатали свои воспоминания, вскрывающие сущность деяния, даже в глубоких сумерках современной политической морали представляющего явление незаурядное. Освещение этого вопроса интересно не только в целях установления исторической правды, но и потому еще, что надвигающиеся события создают конъюнктуру во многом сходную с той, которая была в 1919—1920 годах.

* *
*

С конца 1917 года поднялось Белое движение. Сначала на Юге, потом на Востоке, на Севере и Западе. Весьма разнородное — и социально, и политически — по составу своих участников, оно возникло стихийно, как естественное стремление народного организма к самосохранению, к государственному бытию, как протест против Брест-Литовского мира и распродажи России, как реакция против небывалого угнетения духа, свободы, самостоятельности народа, против физического истребления целых классов. Значение Белого движения не ограничивалось пределами России. В первое критическое время после окончания мировой войны только Белые армии остановили красный поток, угрожавший Европе; только они охранили от затопления западные новообразования и бессильную еще тогда в военном отношении Польшу. Достаточно сказать, что к концу

1918 года, когда рухнул заградительный австро-германский кордон, из 400 тысяч действовавшей советской армии 300 тысяч было скоevano Белыми фронтами, и только 100 тысяч развернулось более чем на 1.000 километров, от озера Онежского до Орши на Днепре, против Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши.

Этим обстоятельством воспользовалась Польша и, встречая слабое сопротивление большевистских войск, продвинула свой фронт до Двины, Березины и Случа.

Рядом международных трактатов, заключенных на Версальской конференции в середине 1919 года, установлена была западная граница Польши. Что же касается восточной, то решение этого вопроса без России представляло непреодолимые трудности. И только в начале декабря Верховный Совет определил, наконец, временную границу (так называемая линия Керзона), проведя ее примерно по рубежам бывшей русской Польши, без Гродно и Брест-Литовска. В этих пределах Польше предоставлено было ввести нормальное государственное управление, тогда как дальнейшее расширение на восток ставилось в зависимость от соглашения с Российским Учредительным Собранием.

Это решение вызвало в Польше взрыв неудовольствия. В польском сейме и в печати в самой резкой форме раздалось требование о присоединении к польскому государству в той или другой форме Литвы, а также о захвате от России большей части Белоруссии, Волыни и Подолии. Эти домогательства имели против себя политику Антанты, Белых правительств и Литвы, и вооруженное противодействие красной армии. К созданию «Великой Польши» за счет России особенно отрицательно отнеслась Англия, и лорд Керзон самым настойчивым образом советовал польскому правительству «удержать свои притязания в разумных пределах, не стремясь поглотить народности, не имеющие с Польшей племенного родства и могущие быть лишь источником слабости и распада».

* *
*

К осени 1919 года армии Юга России, наступая на Москву, занимали фронт от Царицына на Воронеж—Орел—Киев—Одессу, прикрывая освобожденный от большевистской власти район восемнадцати губерний и областей — пространством в 1 миллион кв. километров с населением до 50 миллионов.

Предпринимая наступление в сторону Киева, я имел в виду огромное значение — в обоюдных интересах — соединения Добровольческой армии с Польской. Это соединение автоматически освобождало бы польские войска восточного фронта и все русские войска Киевской и Новороссийской областей — для действия в северном направлении. Я предлагал польскому командованию, чтобы

Киевский фронт к октябрю 1919 г.

оно продвинуло войска только до верхнего Днепра, в общем направлении на Мозырь. Одна эта диверсия, как видно из схемы, приводила к уничтожению 12-й советской армии, не представляла для поляков никаких трудностей, не требовала никаких чрезмерных жертв и, во всяком случае, стоила бы им неизмеримо меньше крови и разорения, нежели предпринятый впоследствии «Киевский поход» и последовавшее за ним вторжение в Польшу большевистских армий.

Боевое сотрудничество осенью 1919 года Польской армии с Добровольческой грозило советам разгромом и падением. В этой оценке положения сходятся все три стороны.

Между тем, начальник Польского государства Пилсудский осенью 1919 года заключил с советами тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекратились.

История этого соглашения такова.

В сентябре 1919 года возле Луцка находилась советская миссия «Красного Креста», имевшая официальной целью обмен между Польшей и советами пленных и заложников. Во главе миссии стоял поляк — коммунист Мархлевский, приятель и бывший соучастник Пилсудского по революционной деятельности в России. Штаб Пилсудского поручил некоему подпоручику Бирнбауму войти в контакт с Мархлевским «для разведки об истинных военных целях советов». Это взаимное «осведомление» продолжалось в течение сентября и октября. Но, видимо, советское правительство или плохо понимало, или не совсем доверяло польскому «осведомлению»,

ибо 3 ноября ген. Пилсудский командировал к Мархлевскому капитана Боэрнера уже с прямым предложением приостановки военных действий и установления демаркационной линии: Новград-Волынский — Олевск — р. Птич — Бобруйск — р. Березина — р. Двина. Боэрнер должен был лишь прочесть Мархлевскому ноту Пилсудского, отнюдь не давая в руки большевикам никаких письменных следов соглашения. Факт соглашения приходилось скрывать и от моей ставки, куда была послана польская миссия для фиктивных переговоров, и от Англии и Франции, оказывавших политическую и материальную помощь Польше — вовсе не в качестве пособницы большевиков и большевизма... С той же целью камуфляжа локальные столкновения мелкими частями должны были продолжаться, а в районе р. Двины, где линии фронтов сходились близко, Пилсудский рекомендовал советам «железнодорожные сообщения производить ночью, так как обстреливание днем не исключено»...

В сущности приостановка польского наступления в опаснейшем для советов направлении, имея цель вполне определенную, произошла задолго до 3 ноября. Ибо в вербальной ноте Пилсудского, обращенной при посредстве Боэрнера к советам, сказано ясно: *«Содействие Деникину в его борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам. Удар на большевиков в направлении на Мозырь несомненно помог бы Деникину и даже мог бы стать решающим моментом его победы. Польша на полесском фронте имела и имеет достаточные силы, чтобы этот удар осуществить. Разве осуществила? Разве обстоятельство это не должно было открыть глаза большевикам?»*

* *

*

В то же самое время в Таганроге, в моей ставке польские военная и экономическая миссии вели фиктивные переговоры с правительством Юга России. В то же время начальник военной миссии, бывший генерал русской службы Карницкий — хочу думать бона фиде — горячо уверял меня, что и начальник государства (Пилсудский), и глава правительства (Падеревский), напугав его, «требовали во что бы то ни стало добиться соглашения», считая, что «иначе положение Польши между Германией и Россией грозит чрезвычайными потрясениями». Горячо уверяли меня и таганрогские миссии Антанты, что у Польши никакого соглашения с советами нет, а временное затишье на фронте вызвано техническими условиями... Подобные же заверения делались в Варшаве обеспокоенным представителям Англии и Франции, в частности уполномоченным английского правительства, члену парламента Мак-Кин-

деру и генералу Бриггсу, ведущим в польской столице переговоры о кооперации Польских Армий с Добровольческими.

Что же касается советского правительства, то оно с радостью приняло предложение Пилсудского, дав по его требованию, заверение, что «тайна будет сохранена нерушимо». Сохранялась она советами действительно до 1925 года, когда, по случаю смерти Мархлевского, советская печать поведала миру, какую великую услугу оказал покойный российскому коммунизму.

Так шли недели и месяцы. А тем временем 12-я советская армия спокойно дралась против Киевских Добровольческих войск, имея в ближайшем тылу своем польские дивизии... А тем временем советское командование снимало с польского фронта и перебрасывало на мой десятки тысяч штыков и сабель, решивших участь Вооруженных сил Юга России.

Только с конца декабря, после падения «белого» Киева, польские войска возобновили военные действия на севере, а на Волынском фронте ген. Листовский стал занимать без боя города, покидаемые отступавшими к Одессе Добровольцами.

Об этой трагедии Белых армий и русского народа генерал Галлер с холодной жестокостью говорит: *«Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы он еще некоторое время связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю (Пилсудскому). Конечно, дело шло не о действительной помощи Деникину, а лишь о продлении его агонии»...*

С этой именно целью предположена была диверсия против советского фронта «после того, как большевики займут Полтаву». Но от мысли этой генералы Пилсудский и Галлер скоро отказались: «Мы пришли к убеждению,— пишет Галлер,— что диверсия эта принесла бы нам мало пользы».

Достоин внимания, что даже в те дни, когда принято было это решение, ген. Пилсудский, через упоминавшегося мною английского депутата Мак-Киндера, счел возможным довести до моего сведения о согласии своем на свидание со мной и на помощь нам... весной.

Это было в январе 1920 года, когда армии Юга отступили уже за Дон. Мы не знали тогда, что вопрос идет только о «продлении нашей агонии», но и помимо того, при создавшихся условиях, обещание помощи «весною» звучало злой иронией.

Нечего и говорить, что с русской национальной точки зрения «методы», применявшиеся Пилсудским, вызывают глубочайшее возмущение. Но и «мировая совесть», несмотря на хроническую глухоту свою, не может не заклеить «военную стратегию» покойного маршала Польши.

Из всего изложенного вполне понятно, почему Пилсудский об этой истории молчал до конца своей жизни и заставлял молчать других. Теперь, когда запрет молчания снят, его соучастники стараются оправдать его и свои деяния.

Какие же мотивы приводят они?

Во второй вербальной ноте (начало декабря 1919 года) капитан Боэрнер передавал советскому правительству: *«В основу политики начальника государства (Пилсудского) положен факт, что он не желает допустить, чтобы российская реакция восторжествовала в России. Поэтому все в этом отношении, что возможно, он будет делать хотя бы вопреки пониманию советской власти. Из этого признания советское правительство давно уже должно было сделать соответствующие выводы. Тем более, что давно уже реальными фактами Начальник государства доказывал, каковы его намерения».*

Можно только поражаться таким... односторонним заботам Пилсудского о России. А «восторжествование в России» всеразрушающей, заливавшей и заливающей кровью страну, наиболее реакционной из всех когда-либо бывших диктатур — советской — могло быть допущено?

Нет, не за торжество того или иного режима, не за партийные догматы, не за классовые интересы и не за материальные блага подымались, боролись и гибли вожди Белого движения, а за спасение России. Какой государственный строй приняла бы Россия в случае победы Белых армий в 1919—1920 г., нам знать не дано. Я уверен, однако, что после неизбежной, но кратковременной борьбы разных политических течений, в России установился бы нормальный строй, основанный на началах права, свободы и частной собственности. И уж во всяком случае — не менее демократический, чем тот, который ввел в Польше покойный маршал... Наконец, было ведь, совершенно ясно, что не «деникинский», не «колчаковский», не какой-либо иной временный режим поставлен на карту, а судьбы России.

Во всяком случае непонятым и непосильным являлось навязывание и з в н е русскому народу его государственного устройства. Тем более непонятым, что сам ген. Пилсудский, порицая активную политику Антанты, направленную против большевиков, в первой вербальной ноте советам заявил, что «Польша не есть и не желает быть ж а н д а р м о м Европы!»...

Второй мотив оправдания (ген. Кутшеба): *«По сведениям генерала Пилсудского... Деникин отказался признать полную государственную самостоятельность Польши и ее право голоса в вопросе*

о будущем тех земель, некогда польских, которые по разделам достались России».

И потому: *«Погром советской армии привел бы к утверждению правления Деникина и, в результате, к непризнанию интегральной самостоятельности Польши».*

Такое оправдание, принимая во внимание тогдашнюю международную обстановку, при наличии архивов «белых», английских, французских, при жизни десятков союзных деятелей, бывших посредниками в сношениях между Таганрогом и Варшавой, такое оправдание рассчитано, очевидно, только на полную неосведомленность читателей.

Мое признание независимости Польши было полным и безоговорочным. Еще до падения Германии, когда Польша находилась в австро-германских тисках, я формировал польскую бригаду полковника Зелинского «на правах союзных войск», с самостоятельной организацией и польским командным языком. Эта бригада, со всей ее материальной частью, при первой же возможности была отправлена мною морем (дек. 1918 г.) на присоединение к польской армии. С начала 1919 года на территории Вооруженных сил Юга находился уполномоченный Польского Национального Комитета, признанного и Антантой, граф Бем-де-Косбан — в качестве представителя Польши; он встречал широкое содействие со стороны моего правительства в отправлении своих официальных функций. Когда же 26 сентября в Таганрог прибыли миссии генерала Карницкого и Иваницкого, они встречены были нами с исключительной торжественностью и сердечностью. На приеме я приветствовал послов Польского государства следующими словами: «После долгих лет взаимного непонимания и междоусобной распри, после тяжелых потрясений мировой войны и общей разрухи, два братских славянских народа выходят на мировую арену в новых взаимоотношениях, основанных на тождестве государственных интересов и на общности внешних противодействующих сил. Я от души желаю, чтобы пути наши более не расходились».

Подымаю бокал за возрождение Польши и за наш будущий кровный союз».

Тяжелое воспоминание...

Таким образом, признание нами Польского государства носило не только формальный, но и идейный характер. Но для официальной версии, очевидно, удобнее отрицать эту очевидность, чтобы дать какое-либо оправдание тому непостижимому для непосвященных парадоксу, в силу которого ген. Пилсудский, как свидетельствуют его сотрудники, «сознательно стремился к гибели русских национальных сил» и к поддержке той «красной революции», которая, по его же убеждению, «шла не только с целью опрокинуть Польшу, но и поджечь факелом коммунизма весь мир».

Наконец, третий мотив — вопрос о восточных границах. Вопрос этот силою вещей не мог в те поры получить окончательное разрешение. Я настаивал на сохранении временной границы впредь до разрешения судеб приграничных земель совместно польской и будущей общероссийской властью — на базе этнографической. Какое же иное решение вопроса могло быть более справедливым и реально выполнимым в тогдашнем хаосе международной и междоусобной борьбы и версальских пререканий, *при отсутствии общепризнанной всероссийской власти*, при наличии изменчивых фронтов, возникающих и падающих правительств, эфемерных гетманов и атаманов?!

Но и этот вопрос, как оказывается, был только *фикцией*. Дело в том, что представитель Польши, ген. Карницкий, в сущности, никогда и не предъявлял мне каких-либо определенных условий относительно польско-русских границ. Очевидно, вопрос этот в такой постановке не играл роли, так как Пилсудский задавался планами иными, более грандиозными. По свидетельству ген. Кутшебы, покойный маршал стремился «к новой организации Востока Европы» — путем полного раздела России и сведения ее территории в «границы, населенные коренным русским элементом»... В частности, задолго до вступления в сношения со мною, Пилсудский подготовлял «союз» с Петлюрой — союз, который по словам польского историка Станислава Кутшебы, имел целью отделение Польши от России буфером, в виде *«враждебного России и тяготеющего к Польше (вассального) государства — Украины — страны плодородной, богатой углем и заграждающей России столь важные для нее пути к Черному морю»*... Пилсудский полагал, что *«только путем реституции Украины поляки могут обеспечить себя с востока»*. И что только в том случае *«Деникин стал бы союзником нашим, если бы он не противился политическим тенденциям отрыва от России инородных элементов»*, и, в частности *«признал бы украинское движение»*...

Пособников в разделе России среди вождей Белого движения не нашлось. И потому в польской главной квартире было решено: *«так как официальное строительство Украины выявило бы наше враждебное отношение к Деникину, что для нас невыгодно»*, то эти планы надлежало скрывать и от Деникина, и от Антанты, и к выполнению их *«можно приступить только после падения Деникина»*. Так гласила инструкция, данная Пилсудским генералу Листовскому, командовавшему Волынским фронтом.

Никогда, конечно, никогда и к а к а я Россия — реакционная или демократическая, республиканская или авторитарная — не допустит отторжения Украины. Нелепый, бесосновательный и обостряемый извне спор между Русью Московской и Русью Киевской — есть наш внутренний спор, никого более не касающийся,

который будет разрешен нами самими. «Отторжение» в 1920 году оказалось совершенно непосильным для польской армии, даже перед лицом пораженческой советской власти и разбитой красной армии Тухачевского. Поэтому так легко, вслед за сим, по Рижскому договору, и Петлюра и Украина были брошены поляками на произвол судьбы.

Просто и ясно.

Но вот ген. Кутшеба задает вопрос: «Верно ли, что Польша предала украинцев?». И отвечает: *«Если бы не польско-украинская кровь, пролитая во имя этого дела, если бы не политическая программа 1920 года, быть может, не существовала бы сегодня Украина, как самостоятельная республика»...*

С чувством удивления и... стыда за автора читаешь эти строки. Во-первых, как известно, первоначальная инициатива признания Украины исходила от немцев, а во-вторых... не дай Бог, генерал Кутшеба, чтобы ваша родина стала когда-нибудь такой *«самостоятельной республикой»*, как советская Украина...

Таким образом, в свете исторической правды «борьба против российской реакции», «высокая историческая задача освобождения украинского народа», «непризнание Деникиным государственной самостоятельности Польши» и проч., и проч.— все это оказывается лишь неудачным камуфляжем безграничного национального эгоизма. Вопрос в те роковые дни сводился исключительно к разрешению страшной по своей простоте и обнаженности дилеммы: содействовать ли национальному возрождению России или, по крайней мере, не препятствовать ему? Или же способствовать коммунистическому порабощению России и ее разделу?

* *
*

Большевизм победил.

Каковы результаты этой победы не только для России, но и для всего мира — об этом говорить теперь нет надобности. Но было бы непрослительным заблуждением считать, что приведенная здесь история закончена. Она продолжается. Мир вновь стоит перед событиями грозными и кровавыми. Большевицкая пропаганда и большевицкое золото разлагают жизнь народов, в том числе и Польши. Русско-польская рана кровоточит по-прежнему. По-прежнему ненависть заглушает голос крови и рассудка. Те планы, которыми задавался в 1919—1920 годах маршал Пилсудский, и тот метод, который он применил тогда не только в отношении Вооруженных сил Юга России, но и в отношении союзных Франции и Англии — как видно из появившихся официозных «воспоминаний» — находят оправдание и одобрение в польских правящих

кругах и сегодня. По крайней мере осуждения им не слышно. Мало того, недавно, по случаю пребывания в Варшаве румынского короля Кароля, официоз министра иностранных дел Бека «Польское политическое агентство» привел слова, обращенные в 1922 г. маршалом Пилсудским к румынскому королю Фердинанду: *«От моря Балтийского до моря Черного живет одна и та же нация, хотя и носит различные национальные цвета...»*. И многозначительно добавил: *«Польша и Румыния решили строить свои судьбы, согласно их собственной воли и своими собственными силами»...*

Если «программа» и «методы» маршала Пилсудского не подвергаются осуждению и пересмотру, то это обстоятельство, с одной стороны, ставит под большое сомнение ценность современных международных обязательств Польши, и с другой — вызывает призрак новой братоубийственной войны, исключая возможность действительного замирения Востока.

Предостережения истории, как видно, не идут впрок... Те круги, которые питают надежду на сотрудничество Германии в «восточных планах», могут жестоко обмануться. Данцигский коридор, Поморье, Верхняя Силезия, быть может, часть Познани, это — реальность. Украина же — иллюзия, обманывавшая не раз жестоко и шведов, и поляков, и немцев. Не исключена, ведь и такая возможность, что «стратагема маршала Пилсудского» обернется другим концом, что Гитлер в решительный момент использует ее в отношении Польши так, как Пилсудский применял ее некогда в отношении России...

Итак, «д л е м м а» поставлена перед Польшей вторично и ждет спешного и теперь уже *окончательного* решения. Ибо сроки близятся: на востоке происходят знаменательные процессы самопожирания большевизма и пробуждения Национальной России. Никто и ничто не в силах остановить эти процессы.

В необыкновенно сложной и тревожной конъюнктуре своего внутреннего и международного положения Польша, волею судеб и следствием своей политики, поставлена между молотом и наковальней. И не раз еще, быть может, неповинному польскому народу придется горько пожалеть о том, что в 1919 году вожди его предали Россию.

А. А. фон ЛАМПЕ
ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ
ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
БЕЛЫХ

Красные: «Смело мы в бой пойдем
За власть советов!
И как один прольем
Мы кровь кадетов!...»

Белые: «Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую!
И как один умрем
За дорогу!...»

(Из песен гражданской войны)

Неудача, постигшая вооруженное выступление белых, повела к укреплению коммунистической власти в России более чем на десятилетие. И потому историк, исследующий пути и судьбы русской революции, должен будет всесторонне изучить те причины, которые вызвали неудачу белого оружия.

Вооруженное выступление белых не есть самостоятельный и обособленный эпизод в истории русской революции: это есть одна из стадий большого патриотического движения — *белого* движения. Этих стадий было несколько: зарождение, развертывание (т. е. именно вооруженное выступление, — наиболее активная стадия движения), исход его из России, организация его за рубежом и... — как сложится дальнейшее развитие белого движения, сказать, конечно, трудно, но несомненно, что последняя стадия его далеко еще не пройдена.

Я хотел бы заранее оговориться о тех органических недостатках, которые неизбежны в моем очерке. Именно, я должен признать, что мое «я» совершенно поглощено белым движением, вошло в него, осталось в нем и будет в нем находиться до последнего момента моего существования. Поэтому, абсолютно беспристрастным по отношению к белому движению я быть не могу... Но именно поэтому беспристрастное решение вопроса о том, почему мы, белые, тогда не победили и были вынуждены покинуть пределы России, — приобретает для меня действительное значение, становится актом единой, продолжающейся борьбы.

Я не буду говорить здесь о моральном значении белого оружия... Не будь этого вооруженного сопротивления, история могла бы считать, что все в стране сочувствовало коммунистическому перевороту, что никто не нашел в себе мужества протестовать против того, против чего порядочный человек не протестовать не мог...

В тот момент, когда так называемый «пролетариат» в 1917 году захватил власть в столицах, в Москве и Петербурге, и начал распространяться по другим большим городам,— окраины страны, хотя и были уже развращены революцией, но не знали еще большевизма. Это давало белым возможность уходить на окраины и формировать там свои кадры; но это вело и к тому, что окраины, «не изжившие еще» (как тогда говорили) большевизма, не знали и не понимали, *чем* он им грозит и потому не нашли в себе сил для поддержки белых выступлений до конца.

Белое движение, как вооруженная борьба, зародилось сначала на южной окраине России и лишь потом вспыхнуло в других местах. Борьба велась дольше всего там, где она началась ранее всего, на юге, где 15 ноября 1917 г. (по новому стилю) генерал Алексеев поднял в Ростове на Дону знамя протеста. Этот фронт просуществовал почти день в день три года. На востоке, считая с момента переворота адмирала Колчака до его убийства (с ноября 1918 года до 7 февраля 1920 года), борьба длилась год и три месяца. На севере фронт генерала Миллера жил с августа 1918 года по февраль 1920 года, т. е. почти полтора года. Западный фронт генерала Юденича просуществовал с октября 1918 г. по конец 1919 года.

Мое краткое исследование я делю на три части. Первая — это разбор данных, которые, с моей точки зрения, неправильно «принято» считать за причины неудачи белых; вторая — исследование факторов, которые, не составляя непосредственно самих причин, как бы ложатся в основу последних; и третья — изучение того, что я считаю действительными причинами неудачи вооруженного выступления.

Начну с первой и в частности с оценки *стратегического* положения сторон в гражданской войне и тех *промахов*, которые были допущены с обеих сторон, как в области широкой — стратегии, так и в более узкой форме — *тактики*.

При одном взгляде на карту России в момент существования *всех* белых фронтов, бросается в глаза их общее положение: в середине сплошное ядро красных сил, базирующих на центр страны и ее богатства; и вокруг — кольцо белых сил, имеющих за собою почти во всех случаях только море. А как известно, центральная власть всегда сильнее окраинных протестов...

В стратегии возможность *сплошного окружения* надо считать, конечно, большим преимуществом, и потому, с чисто теоретической точки зрения, можно было бы считать положение белых более выгодным, чем положение красных внутри охватывающего их кольца. Однако, преимущество охвата было только кажущееся: для того, чтобы создать действительное кольцо, у белых не хватало многого. Во-первых, *одновременное* существование всех белых фронтов длилось менее года, т. е. срок существования западного фронта, тогда

как движение было разбросано на неизмеримых пространствах; во-вторых, и в это время «кольцо» не только не замыкалось, но в нем были огромные пробелы и прорывы, например, в виде промежутка между правым флангом Юденича и левым флангом Деникина, промежутка, занятого далеко неблагоприятными к белым польскими войсками...; в-третьих, не было единого управления всеми белыми силами, и не потому, что этого «не хотели» руководители отдельных белых фронтов, но потому, что не было физической возможности создать единое командование. Стоит только вспомнить, что генерал Деникин для связи с адмиралом Колчаком (он считал себя подчиненным ему) должен был пользоваться из Екатеринодара телеграфом — или через русского посла Демидова в Афинах, или через Париж. Все попытки установить иную связь кончались неудачей. Посланный Колчаком ротмистр Толстой-Милославский пропутешествовал ранее, чем добраться до юга, едва ли не четыре месяца; поехавший с юга к адмиралу Колчаку генерал Гришин-Алмазов так и не достиг своей цели, — он погиб в Каспийском море от руки большевиков. Так было и в сношениях между другими фронтами... Только летом 1919 года на короткий промежуток времени в Царицыне была установлена прямая связь фронта Колчака с фронтом Деникина в лице уральского разъезда, но эта тоненькая ниточка держалась только одно мгновение; и к тому же в этот период восточный фронт переживал уже период неудач...

Этим стратегическое преимущество передается красным: оно давало им возможность, подобно Германии в Европейскую войну, вести борьбу по внутренним операционным линиям и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска с одного фронта на другой для того, чтобы наносить тот или иной заранее намеченный удар. А размеры белых сил были таковы, что им *сжимать* было труднее, чем красным *рвать*... У белых не было превосходства сил для окружения ни в стратегическом, ни в тактическом масштабе (напр., окружение большевиков в Ставрополе слабыми добровольческими частями и прорыв красных в степь на восток осенью 1918 года).

Нельзя, однако, не упомянуть, что белые не проявили решительного стремления исправить недостатки своего стратегического положения. Вспомним споры на юге России из-за, так называемой, «правой» стратегии (выдвижение направо, на восток, к Волге) и «левой» стратегии (выдвижение налево, на запад, на Украину). Я лично всегда был сторонником «правой» стратегии, так как она вела к объединению фронтов восточного и южного, а следовательно создавала если не кольцо, то хотя бы охват красных.

Несомненно, что «ошибки» делались, как всегда, с обеих сторон; что они были и у белых. Но считать их непосредственными причинами неудачи вооруженного выступления белых нельзя: ибо во

всякой войне бывают и стратегические, и тактические ошибки, но одни они к поражению ведут очень редко...

И враги, и друзья белого движения, и более левые, и более правые, — указывали не раз, как на причину неудачи, на так называемое *отсутствие положительной идеологии* на белой стороне.

Справа белых обычно упрекают в том, что они не провозгласили чисто монархического лозунга. Я должен сказать, что я открыто исповедую монархические убеждения, и не только теперь, но исповедывал их и на южном фронте белой борьбы, и притом в качестве ответственного руководителя монархической газеты («Россия» и «Великая Россия» в 1918—1919 гг.). Но именно поэтому я представляю себе, что провозглашение монархического лозунга было возможно только в единственном случае и только на фронте адмирала Колчака: именно, если бы удалось искусным военным выдвижением предотвратить преступление 17 июля 1918 года, вследствие чего на восточном фронте оказался бы Император Николай II и его Семья... Другого случая я не знаю. Ибо во всех остальных случаях *всякое провозглашение монархического лозунга* привело бы не к объединению, а к *разъединению* бойцов, сражавшихся в боевой линии и объединенных *родиной, честью и врагом*. Именно пребывание в армии научило меня (ибо первое время я сам, в донесениях генералу Алексею из Харькова и лично, настаивал на провозглашении монархического лозунга) тому, что этот вопрос решающего значения для *действительных* борцов не имел; беречь его — значило бы вносить страстность в среду тех, кого надо было всеми силами от этого оберегать.

Самый опыт жизни белых фронтов показал, как мало значило провозглашение этого лозунга для успеха или неуспеха армии. Ведь были опыты формирования белых армий под чисто монархическими лозунгами: созданная при помощи немцев Астраханская армия, оперировавшая и в большей своей части погибшая под Царицыным, и Южная армия под главенством генерала Иванова, оперировавшая в Воронежской губернии — носили на себе цвета дома Романовых, но не поглотили собою других формирований, а сами растворились в них. Не спасла белого дела и Земская рать генерала Дидерихса, объявившая монархический лозунг в борьбе с красными на Дальнем Востоке!..

Упрек в отсутствии «определенной идеологии» делался белым и слева. На этом упреке долго останавливаться не стоит. Самый состав армии совершенно исключал возможность навязывания ей «демократических» лозунгов: эти лозунги на протяжении русской революции достаточно уже причинили горя русскому офицерству, которое в большинстве и составляло ряды белых формирований. Однако, и здесь история дала живое доказательство бессилия соответствующих лозунгов: демократическая армия Учредительного

Собрания на Волге развалилась не столько от натиска противника, сколько от своей собственной «демократичности», т. е. от комитетов, «сознательной» дисциплины и прочих прелестей революционной эпохи.

При обсуждении этих упреков необходимо помнить о том, как родились белые фронты. На окраины стихийно кинулись все те, кто в душе своей затаил протест против совершившегося насилия над страной, кто стремился донести этот протест до белых рядов и жил им в период вооруженной борьбы на фронте... Для всех белых исповедуемая ими идеология *освобождения* России всегда была в достаточной степени *положительной*, что они и доказали, упорно продолжая эту борьбу, несмотря на натиски как слева, так и справа... Иного и быть не могло, ибо только это и именно это соответствовало настроению главной части белых, русского офицерства! Ведь в белые ряды шли не потому, что искали собственного спасения; нет, туда шли именно те, кто хотел *бороться*...

Только часть таких сильных людей в силу известных обстоятельств оставалась в самой гуще красных для борьбы с ними на месте, изнутри. Все остальные или сразу попадали в белые ряды, или же присоединялись к ним по мере продвижения белых фронтов к центру страны. Те же, кому красная власть угрожала, но кто не чувствовал в себе силы для борьбы, имели возможность уйти за границу хотя бы через Финляндию; немало офицеров и солдат, не стремившихся к борьбе за Родину, было вывезено также немцами из Киева...

Нет, упреки в отсутствии идеологии, в неприятии правых или левых лозунгов, не указывают причины наших неудач. Это только демагогический прием в демагогических выступлениях, не больше!

Необходимо остановиться также и на тех *элементах*, из которых состояли белые армии: таковы ее *начальники и армия* в своей массе.

В отношении военной подготовки, боевого опыта и технических знаний у руководителей армии — все преимущества были, конечно, на стороне белых. В этом отношении вождей можно было бы разделить на три группы: старые начальники Русской Армии; начальники, выдвинувшиеся из рядового офицерства; и, наконец, начальники, выдвинутые волной революции и революционной борьбы.

В числе лиц, принадлежавших к *первой* группе, белые армии имели в своих рядах почти всех выдающихся русских вождей европейской войны. Мы видим в рядах белых двух Верховных Главнокомандующих — Алексеева и Корнилова; мы видим главнокомандующих армиями фронта — Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видим в рядах белого генералитета почти исключительно лиц с высшим военным образованием или с теоретическим цензом в лице

генералов Врангеля и Краснова, или кроме того и со служебным — Каледин, Марков, Дроздовский, Богаевский, Лукомский, Казанович, Май-Маевский, Юденич, Флуг, Миллер, Эрдели, Марушевский, Мурузи, Сахаров, Дидерихс, Каппель и др.

Что касается второй и третьей группы, то в этом отношении я не вижу никакого различия между красными и белыми рядами: если у красных были Гиттис и Тухачевский, офицеры по службе и образованию, то у белых были Покровский и Шкуро; если у красных командовали порожденные революцией матрос Дыбенко и вахмистр Буденный, то в белых рядах командовали Пепеляев, фельдшер Гайда, вышедшие из казачьих низов генералы Топорков и Павличенко...

Итак, обе последние группы были представлены на *обеих* сторонах. Но преимущество образования и старых навыков было, конечно, у белых, хотя бы уже потому, что в красные ряды только с течением времени вошли Селивачев, Балтийский, Парский, Сытин и Гутор... Тут время работало против белых!

Но и тут, как в вопросе о настроениях окраин, в преимуществах белых вождей таились и их недостатки: все они были опытные и порой ученые военачальники, но большинство из них обнаруживало *отсутствие необходимой творческой гибкости и решительности* в совершенно исключительной обстановке. Исключений было мало: их имена говорят сами за себя...

Что же касается главной массы белых армий, то здесь, в особенности с начала вооруженного выступления белых, все преимущества были на их стороне. Нет лучше состава для армии, как тот, который *идет на борьбу в силу одухотворяющей его идеи*; а таким и был состав белых с самого начала борьбы. Вот почему в период первых выступлений ничтожных сил в Сибири, в начале продвижения на юг фронта генерала Миллера, в первых шагах отряда генерала Родзянко на западе и в операциях Добровольческой армии на Северном Кавказе, когда ей приходилось снабжать себя патронами и снарядами, добывая их у красных, конечно, с боя,— мы всюду видим успехи; и потому же с выходом всех фронтов на русскую равнину мы видим, что все они, постепенно захлебываясь в пространстве и во времени, приходят к отступлению...

В этот период у красных были только насильно мобилизованные, так как партийных коммунистов, добровольно пополнявших ряды, было мало...; а мобилизованные, конечно, представляли собою материал, с боевой точки зрения отрицательный. Но с течением времени, которое, как я уже говорил, благоприятствовало красным, обстановка менялась: надо было пополнять убыль в таявших рядах и белым пришлось также прибегнуть к мобилизации, т. е. к принудительному привлечению населения в свои ряды... Других способов не было. Конечно, это развращало белые ряды, так же как

и та масса выживавших, которая вливалась в ряды победителей, какими и были сначала белые, и, превращая полки их в дивизии, а дивизии в корпуса, на самом деле не давала никакой реальной силы, потому что при первых же неудачах покидала боевые ряды...

Для характеристики, как трудно давалось пополнение рядов, я приведу одну попытку, свидетелем которой я был сам. Я имею в виду прибытие в Екатеринодар из Франции так называемого «Легиона чести». Украшенные трехцветными знаменами, французскими военными крестами и медалями, осененные репутацией людей, которые единственные из всех русских, находящихся во Франции, не изменили принятой присяге, — они пришли и пополнили собою ряды южного белого фронта и... в первом же бою перешли на сторону красных, оставив у белых только своих офицеров... Правда, перешли не все: офицерская пулеметная рота соседнего по фронту с «Легионом чести» полка вовремя заметила «маневр» легионеров и уменьшила число перебежчиков... Легионеры стремились домой и почему-то думали, что их не задержат для пополнения красных рядов, как задерживали в белых линиях...

И опять делая вывод, я должен прийти к заключению, что первоначальное преимущество белых *с течением времени переходило на сторону красных*, которым мобилизованный материал давал лучшие результаты. О причинах этого — в дальнейшем.

Итак, во всем доселе рассмотренном можно, конечно, найти известные данные для того или иного объяснения белых неудач, но все это, конечно, не могло быть решающим.

Несравненно больший вес имели иные факторы, которые возможно считать основанием причин неудачи белых. К ним я теперь и перейду.

Я начну с характеристики тех, кого белые называли тогда «союзниками» и надежду на которых принято, быть может и не без основания, ставить в упрек белым...

Генерал Деникин в своем труде называет политику держав Антанты *свокорыстной*. Мне кажется, что это и есть самое правильное определение этой политики. «Союзников» нельзя, конечно, считать *предателями*, ибо в конце концов они, после мира в Бресте, ничего реального России, как таковой, не обещали; а наши русские национальные интересы были им совершенно чужды и они расценивали их невысоко. Они были действительно *свокорыстны*, т. е. они соблюдали только свои собственные интересы и далее этого не шли.

Всем хорошо памятна роль «союзников» в Сибири: вся «помощь», вся поддержка белым длилась только до тех пор, пока державам Согласия угрожали германцы и пока надо было во что бы то ни стало создать хотя бы только угрозу восстановления русско-германского фронта. На этом-то фронте и оказались —

и чехо-словаки, сыгравшие впоследствии такую плачевную роль в ликвидации фронта адмирала Колчака, и японцы, и американцы, поляки, юго-славяне, и даже французы с их генералом, санкционировавшим впоследствии предательство по отношению к русскому вождю...

И на северном фронте, как и на Волге за чехо-словаками, формировались русские силы за англичанами и французами; и там, так же, как и в Сибири, «союзники» оставались лишь до тех пор, пока события на полях Франции не сделали русский фронт просто излишним... Тогда англичане ушли; правда они предложили русским уйти вместе с ними, но, когда те, стремясь к освобождению Родины, естественно отказались, то англичане перед уходом, вместо того, чтобы передать запасы и снаряжение русским, *утопили все в море*... И после их ухода снабжение северного фронта велось со дна моря... Легко себе представить, в каком виде море возвращало все то, что оно получило от «союзников».

Нельзя не вспомнить также роль английского флота при наступлении белых на Петроград,— когда русские силы при атаке Красной Горки были оставлены ими без всякой поддержки... Нельзя не вспомнить также «первую Одессу» и «первый Крым», внезапно оставленные «союзниками» в нелепый и ничем не вызываемый 48-ми часовой срок! Не надо забывать и той психологической загадки, что первые танки были получены большевиками под Березовкой у Одессы от французов, бежавших перед красными потому, что по их сведениям в рядах большевиков оказались немецкие инструктора, т. е. те самые враги, победу над которыми «союзники» как раз в то время праздновали на западном фронте!..

Достаточно вспомнить те обещания, которые давали от лица своего правительства французский консул Энно в Одессе и французский офицер Эрлиш в Екатеринодаре... Теперь многое тайное стало уже явным. В «Архиве русской революции»¹ напечатана секретная сводка сношений главного командования на юге с командованием французским: где же те «дивизии», которые были обещаны французами на смену уходивших с Украины немцев? Вся «помощь» ограничилась только снабжением, данным англичанами, которые, однако, в то же время не преминули поддержать враждебные Деникину кавказские новообразования...

Политика «союзников» была именно своекорыстной: им была нужна противогерманская Россия; а потом?.. есть основания предполагать, что они продолжали «поддержку» лишь в силу того, что *российская неразбериха была просто выгодна для них*...

Вспомним и Крым последнего периода, периода командования генерала Врангеля. Англичане закончили свое «содействие» уже

¹ Том XVI.

в Новороссийске. А французы... Если считать «помощью» словесное «признание» и присылку комиссара Мартеля, то, конечно, они помогли. Но если в помощи видеть что-либо более реальное, то она бесспорно была миражем.

Вывод ясен: «союзники» работали *на себя* и «помощь» их белым была далеко не так реальна, как это принято изображать.

Однако, говоря так о «союзниках», я считаю себя обязанным вспомнить тех англичан, которые были с нами в самом пекле боевых линий. Так, в Киеве, в конце 1919 года, я помню англичан, которые, зная по-русски только одно слово «ура», ходили в атаку с русскими ротами, оставшимися без офицера. Они *поняли*, что такое большевики; но убедить в этом своих соотечественников, оставшихся на родине, они не могли. Нельзя не вспомнить и тех французов, которые, будучи на месте действия, не смогли отказать в помощи белым при эвакуации Крыма... Быть может, их изменило то, что они *увидели* в России? Но вопросы помощи решались не на местах боя, а в Лондоне и Париже, в министерствах иностранных дел.

Остановливаясь на взаимоотношениях с иностранцами, я должен сказать, что в политике белых тоже не все было благополучно и удачно; и в такой борьбе, когда надо было пользоваться всем, быть может, даже пренебрегая известными последствиями, мы не умели привлечь и использовать всю иностранную помощь — и великодержавную, и украинную...

Так, нельзя не пожалеть, что наши старые дипломатические представители, сохранившие на местах свое положение и располагавшие прежними средствами, порою признавали русские белые фронты и силы лишь с оговорками, «постольку-поскольку», неудачно применяя эту формулу проклятия, порожденную революцией!

Но и в сношениях с лимитрофами было много генералов. Так непризнание адмиралом Колчаком или же просто генералом Юденичем — фактически уже осуществленной самостоятельности Финляндии и Эстонии, быть может, было основной причиной неудачи белых на западном фронте; непризнание же поляков генералом Деникиным сделало их постоянными противниками белых. Возможно, что несколько иначе следовало разговаривать и с «украинцами». Я говорю, конечно, не о Петлюре, ибо мало кто возьмется определить, где кончилось «украинство» Симона Петлюры и где начинался большевизм Льва Троцкого. Но «украинцев» гетмана было целесообразно признать...

И опять, переходя к очередному заключению, я должен повторить, что взаимоотношения с «союзниками», при наличности их своекорыстия и наших упущений, все-таки нельзя рассматривать, как основную причину неудачи вооруженного выступления белых.

Гораздо ближе можно подойти к этим основным причинам, остановившись на изучении *тыла* белых, к чему я и перейду.

Достаточно только одного беглого взгляда, чтобы бросилось в глаза то, неблагоприятное для белых, обстоятельство, что если, у красных тылом, районом снабжения, неисчерпаемым источником людского резерва, столь необходимого на войне, была *вся Россия*, — то тыл белых почти неизбежно свешивался в море, только временами, во время успехов белых, отходя от него. Таким образом, белым до самого конца приходилось добывать свои пополнения, как когда-то первым добровольцам свои первые патроны и снаряды, — отбивая их у противника.

Следовало бы подробно остановиться на устройстве тыла белых, так как, быть может, это привело бы ближе к цели моего исследования. По мере возможности я и постараюсь это сделать.

Если красные, для урегулирования своего тыла, прибегали к очень простому, но действительному средству, то есть к террору, к пулемету, которые всегда и на всякий тыл действовали отрезвляюще, то белые должны были применять иные меры, более подходящие к той закономерности, которую они неизбежно несли с собою. У белых были губернаторы; между ними были и плохие и хорошие; но не было стражников, то есть верхи тыловой администрации просто лишены были исполнителей, ибо все то немногое, что было в распоряжении белых вождей по части людского материала, конечно, в первую голову поглощалось боевой линией... И, как следствие, получалось — что при полном произволе в тылу красных, там царил относительный порядок, а при полной законности в тылу белых — тыл их был безусловно далек от порядка...

Я не могу останавливаться на подробном рассмотрении всего того, что делалось в белом тылу — я не могу перечислять все меры по аграрному вопросу, финансовому и иным законодательствам; — каждый из участников вооруженной борьбы белых может по своей специальности дать немало материала для разработки этих вопросов; я лично хочу остановиться только на обстоятельствах непосредственно влиявших на положение белого тыла, и на том, почему это было так, а не иначе. Последнее вытекает уже из моих указаний на методы сторон в этой напряженной борьбе.

Были *восстания*, но в этом отношении оба тыла, обе стороны были в одинаковом положении — восстания были и тут и там; и в этом отношении образцом может служить разбойник Махно, который, несмотря на все свое моральное тяготение к красным, с одинаковым увлечением дрался и против них, и против белых.

Был бич тыла *тиф* — но был он и тут, и там. И белые, и красные, занимая районы расположения противника, натывались на бесконечное количество трупов, на мертвые поезда, не имевшие в своем составе ни одного живого человека...

Бичом белого тыла была красная пропаганда. В этом вопросе красные преобладали, так как он был поставлен у них лучше, чем

у белых, да и надо признаться, что лозунги, проводившиеся ими в жизнь были всегда бесконечно более заманчивыми для массы, чем то, что могли предложить ей пропагандисты белого фронта... Дальше чем «грабь награбленное», «все дозволено» и настоящего обещания рая на земле, все равно идти было невозможно!

Пропаганда была могучим фактором, разрушавшим белый тыл; восприимчивость к ней толпы, имевшей свой рупор в городских базарах, была поразительна; но на толпу эту — и не только на толпу, но и на так называемые общественные круги в белом тылу — не меньше красной пропаганды действовала и другая работа — работа русской интеллигенции отчасти и несоциалистического толка, но, конечно, главным образом, работа самих социалистов...

Если первые, то есть радикальные интеллигенты действовали порой просто бессознательно, повторяя старые зады и насвистанные годами теории, то вторые действовали, конечно, совершенно сознательно.

В своем дневнике, в записи, относящейся к 10-му июня 1919 года, И. А. Бунин рассказывает, как вся Одесса с замиранием в сердце прислушивалась к тому, что делается на фронте и нервно гадала, удастся ли добровольцам сломить сопротивление красных и занять город, или же Одессе суждено оставаться под красным игмом: «Вечером я у Р... и опять: я ему об успехах добровольцев, а он о том, что они в занятых областях «насилуют свободу слова» — кусаться можно кинуться». Да, надо согласиться: разговаривать с этими людьми было невозможно!

Обращаясь к деятельности социалистов в белом тылу, надо раз навсегда установить следующее: лозунг Керенского и комп. «*Ни Ленин, ни Колчак*», при настойчивой работе социалистов против всякого личного и собирательного «Колчака», *всегда говорил о работе за Ленина!*

И в действительности, работая против Колчака, можно было помогать только его противнику; не сознавать этого не могли даже и социалисты!

Для наглядности обратимся к фактам. В Сибири почтенная работа социалистов, о которой с гордостью, достойной лучшей участи, прямо и открыто говорит в своей брошюре член Учредительного Собрания Солодовников¹, велась по строго продуманной программе и, пройдя через открытое восстание, устроенное социалистами во Владивостоке, дошла до прямого предательства и выдачи адмирала Колчака и его министра Пепеляева в руки большевиков, конечно на смерть и на издевательство...

Что мы видим на Севере? Конечно, потоянную борьбу за власть и всяческие попытки насаждения столь несвойственных здоровой

¹ «Сибирские авантюры и генерал Гайда».

армии и массе офицерства и добровольцев социалистических лозунгов. Нельзя винить престарелого и лично порядочного Чайковского за то, что ему, несмотря на нахождение его во главе правительства, вместе с его «министрами» типа Бориса Соколова и общественными деятелями образца Скоморохова, это насаждение не удалось... они сделали со своей стороны решительно все для разложения белого тыла и фронта и... для торжества красного пролетария.

То же самое происходило на Западе, с «работавшими» там Кирдецовым, впоследствии сменовеховцем, имевшим тогда несомненное влияние на белую прессу, с «министром» Ивановым и т. д.

И менее всего на Юге! Менее всего потому, что в этом случае на Юге определеннее всего высказались вожди. Я не могу до сего времени установить более или менее точно, действительно ли правильны сведения о том, что в 1917 году в Ростов приезжал и делал попытки проникнуть к генералу Алексею пресловутый главковерх Керенский; быть может, это и так; однако и он понял, что среди преданных им же на растерзание черни офицеров, — ему делать нечего. Но достоверно, что Савинков там был, и несомненно, что он делал шаги для того, чтобы быть принятым верхами белых в свой круг для «совместной работы»; вопрос был решен категорическим отказом генерала Деникина, тогда еще не главнокомандующего, не соглашавшегося даже присутствовать на одном заседании с Савинковым.

Была и еще одна попытка, которая, как мне кажется, могла дать для социалистов положительные результаты в смысле возможности наложить руку на деятельность белого командования. Я имею в виду попытку группы членов учредительного собрания, выпустившей в Екатеринодаре газету «Родная Земля». Во главе группы был Григорий Шрейдер, который имел развязность начать говорить добровольцам о генерале Корнилове, о том, что, следуя его заветам, добровольцы должны идти влево и т. д. С этой провокацией пришлось бороться решительно: в один прекрасный день, когда Шрейдер разразился дифирамбами по адресу генерала Корнилова, — в редактируемой мною с В. В. Шульгиным газете «Россия» было просто перепечатано, без всяких комментариев, августовское воззвание городского головы Петербурга Григория Шрейдера, призывавшего петроградский пролетариат подняться на выступившего против Временного правительства изменника Корнилова... Результат этого выступления был неожиданный и для нас — Шрейдер был выслан из пределов, занятых Добровольческой армией, его газета закрылась и его группа потеряла всякое влияние.

Однако я слишком долго останавливаюсь на этом вопросе — вероятно слишком он наболел у каждого из нас, чтобы пройти мимо него...

Вывод один — социалисты были всегда естественными врагами

белых и тем самым несомненно помогали красным, для которых они были во многих отношениях «своими»...

Подходя к заключению в вопросе о добровольческом тыле, я остановлюсь еще на двух ходячих упреках, которые иногда выдвигаются против белых со стороны некоторых кругов, как русских, так и иностранных.

Во-первых, вопрос о *грабежах*. Я остановлюсь на нем только потому, что о нем *говорят*... Да, грабежи в тылу белой армии были, отрицать это нельзя и никто отрицать это и не предполагает! Надо только к этому вопросу подойти с несколько иного конца, чем это делалось до сего времени.

Я лично принимал участие в японской войне, имевшей безукоризненно налаженный тыл (хотя бы потому, что войска все время на него отходили); я принимал участие в великой войне, на европейском фронте ее — и должен установить следующее. Всегда и всюду, при самой дисциплинированной армии, при самом налаженном тыле, даже при психике, нравственно непоколебленной неудачами или революцией, — грабежи были, есть и будут... Да и что в этом удивительного? Природа войны настолько ужасна, обыденность ее настолько жестока, что человеческая натура, в основу которой, как мы, к сожалению, хорошо убедились, заложено столько гнусного, не может не отозваться на соблазн «безнаказанного» преступления... Несомненно, что солдат, вошедший в дом местного жителя с винтовкой в руках, чувствует себя полновластным господином и ведет себя именно так, как с его точки зрения подобает вести себя в этом звании. Если все это в полной мере применимо ко всякой войне, что лично для меня несомненно, то в какой же мере это подтверждается в войне *гражданской*, особенно жестокой, хотя бы уже потому, что в ней каждый *сам* себе выбирает *свой* фронт борьбы и естественно усматривает в каждом, кого он видит по ту сторону боевой линии, в том числе и в обывателе, никакого участия в этой борьбе не принимающем, — врага, которого он «имеет право» использовать для своего, хотя бы и минутного благополучия...

Я, конечно, ни в коем случае не хочу сказать, что с этим фактом не следует бороться; конечно следует, и эта борьба на юге России велась, — от приказов генерала Деникина до расстрелов генерала Врангеля включительно. Борьба необходима, но не надо закрывать глаза и на то, что результатом этой борьбы будет всегда не уничтожение, а только *уменьшение* размеров зла!

Я не могу не вспомнить, что даже в голой Маньчжурии, при строгой дисциплине тогдашней армии, солдаты умудрялись грабить, хотя объектов, кроме никому не нужных мелочей китайского обихода и объекта «натурального» грабежа у грязных и чуждых китайцев — не было!

Характерно и несомненно то обстоятельство, что при успехе

армии, при ее поступательном на противника движении, грабежей всегда меньше, — они всегда увеличиваются при отходе и довольно понятно, *почему*. Особенно это заметно в отходах гражданской войны, когда перед каждым, потерявшим меру дозволенного и не дозволенного, бойцом, уже открывается перспектива «черного дня», который грозит ему не на время, а на всю жизнь... И все-таки добровольцы генерала Врангеля, покинувшие Крым, пришли в лагери Галлиполи, Лемноса и Кабаджи, *голыми нищими*... Такими же голыми нищими были и участники белой борьбы на всех ее фронтах.

Я не буду останавливаться на том, что и у красных грабежи, конечно, были, как они бывают, по моему убеждению, всюду, — это, конечно, не оправдание для белых.

И делая сводку всему мною сказанному о грабежах — я вторю: они были, но, конечно, не они были причиной неуспеха.

Если я не прошел мимо обвинений в грабежах, то я не могу игнорировать и того, что принято распространять о *погромах*.

В этом отношении я буду более, чем краток: я совершенно определенно утверждаю, что в районах действия белых армий *еврейских погромов*, т. е. организованного уничтожения и ограбления евреев, ибо только их имеют в виду, — *не было*... Утверждаю это и постараюсь доказать, считая, что и генерал Деникин в своих воспоминаниях (т. V, стр. 146), впадает в ошибку.

Скажу прежде всего, что все сведения о погромах, якобы имевших место на юге России, т. е. в районах «черты оседлости» евреев (остальные фронты проходили по местам, где почти отсутствовало еврейское расселение), — *тенденциозно преувеличены*. Всем, конечно, памятно, что по газетным сведениям о случаях, так называемой. «армянской резни» значительное количество раз писалось, и взывалось к цивилизованному миру, и всегда в одинаковых выражениях, гласивших о том, что каждый раз армян вырезали *всех поголовно*... Нечто подобное происходит и с еврейскими погромами на юге России. Так в Берлине мне пришлось слышать от одного докладчика, что петлюровцами в Проскурове было уничтожено... 60000 евреев! Не надо доказывать насколько это правдоподобно для города тысяч в 15 жителей!

Я не противоречу себе, сначала говоря о том, что погромов в белой армии *не было*, а потом о том, что *сведения преувеличены*... Я только считаю, что моей задачей не может являться разбор вопроса о том, учинялись ли погромы отрядами Петлюры, Григорьева и других украинцев, или отрядами их противника-единомышленника Буденного!

Но если согласиться со мною, что в белой армии *еврейских погромов* не было, то откуда же идет дым, от какого огня?

Очень просто — я утверждаю, что не было *еврейских погромов*. То, что стараются выдать за *еврейские погромы*, есть не что иное,

как проявление тех инстинктов, о которых я говорил в отделе моего исследования о грабежах... Были нарушения дисциплины, были покушения на имущество, а иногда и на жизнь местных жителей, были грабежи и даже убийства; это было. Я лично знаю о случаях в районе Киева, Фастова, Белой Церкви, которые потом были специальной прессой раздуты в *еврейские* погромы... Это были удары по населению; за это были расформированы 2-ая Кубанская пластунская бригада и Осетинский конный полк; должен был быть расформирован Волчанский отряд есаула Яковлева... Однако, от этих проявлений отрицательного типа страдало как *еврейское, так и христианское население захваченного беспорядками района*... Но о несчастных христианах, конечно, никто не кричал в мировой прессе. Может быть, случайно еврейское население иногда страдало больше; но ведь в этих местечках *евреев* просто *численно* было больше и они были *богаче* — естественно, что они страдали от этих бесчинств (против которых все время резко выступало белое командование) больше, чем христианская часть населения...

Вывод один — сведения об еврейских погромах, учиненных у белых, это только ничем неприкрытая демагогия и выигрышный способ борьбы с белыми, который широко практикуется и по сей день и красными, и их социалистическими единомышленниками... не больше!

Заканчивая часть моего доклада, посвященную вопросу тыла (которого, между прочим, совершенно не было у белых в период командования армией генералом *Врангелем*, ибо тогда весь Крым был, в сущности говоря, военным районом), я скажу только, что тыл, как и всегда на войне, был конечно тяжел для обеих сторон. Для приведения его в порядок надо было проявлять *во много раз больше принуждения*, и, быть может, *жестокости*, чем это могли проявить белые; конечно, красные не стеснялись применять и гораздо большую меру жестокости. Напомню, что добровольцы генерала Алексеева 22-го февраля 1917 года * уходили из богатого Ростова без гроша денег и полуголые. Я знаю случай, когда один из горчичных «королей» Царицына дал на добровольцев... две сорокарублевые керенки... возможно ли было что-либо подобное в районах занятых красными!?

Таким образом, я подошел постепенно к главной части моего исследования, к рассмотрению тех причин, которые я считаю непосредственными причинами неуспеха вооруженного выступления белых. Мне кажется, что из всего того, что я сказал до сих пор, они уже настолько ясны, что мне остается досказать и уточнить совсем немного.

Что же именно я считаю непосредственными, истинными при-

* Так в тексте.— *Ред.*

чинами неудачи вооруженного выступления белых? Что именно было тем роковым обстоятельством, которое отдалило от нашей Родины ее освобождение и в конечном результате привело белое освободительное движение к его современной, если можно так назвать, заграничной стадии?

Первой и основной причиной я считаю настроение населения тех областей, по которым шло наступление белых.

В самом начале моего исследования я уже отчасти останавливался на характеристике этого явления. Окраины, естественно привлекавшие к себе взгляды тех русских людей, которые не захотели подчиниться установленной в центре диктатуре, *не знали большевизма*, то есть, вернее не знали результатов практического его применения к шкуре обывателя. Они не испытали прелестей советского рая и не смогли дать полного напряжения, чтобы предотвратить надвигавшиеся на них испытания и мучения.

Население этих областей, конечно, знало войну, которая утомила всю Россию; население знало и революцию, которая дала, так называемые «свободы», принесенные ею! Население с легкой руки солдат, знавших на фронте только декларацию *прав*, но не *обязанностей* солдата, знало только о своих правах и совершенно не представляло себе, что права эти все еще связаны с какими-то обязанностями.

На территории этого населения шла настоящая война, гражданская война с ее выстрелами, которые не всегда попадают только в тех, кто борется на линии огня; с ее репрессиями не только по отношению к людям и их имуществу, но и к самим селениям, которые иногда, в процессе боя, беспощадно и неизбежно сравниваются с землей... Население должно было поступиться своими правами, своими удобствами. Армия белых не была той снабженной и организованной армией, которую мы привыкли представлять себе, произнося это слово; немедленно по соприкосновении с населением она вынуждена была брать у него подводы, лошадей, запасы и, наконец, и самих людей!

Война на данной территории всегда несет с собою много лишений и страданий. Война, а в особенности гражданская, *сама себя кормит и пополняет!* И, конечно, население не могло приветствовать этого; оно, как я уже сказал, думало не об обязанностях, а только о правах, и от белых ожидало только немедленного восстановления порядка и нормальных условий жизни, со своей стороны совершенно не думая оказывать этому хотя какое-либо содействие.

Вся сумма этих *неприятностей*, приводимых затянувшейся войной, очень остро переживалась населением; в то же время его усиленно развращала красная и социалистическая пропаганда обещаниями избавления от всех этих напастей, обещаниями полного благополучия и полного господства, как известно, соблазнившими

не одну только Россию, но смущающими и доселе не малую часть населения всего мира...

Все это сводилось к тому, что неудобства, приносимые белыми, *восстанавливали население против них.*

Отсюда постоянное оппозиционное настроение, начиная от интеллигентских благоглупостей, о которых говорит приведенная мною выдержка из дневника И. А. Бунина, и кончая социалистическим противодействием, а также распространением среди населения нелепых теорий о готовности белых «насадить старый режим» (чего конечно не было), и о «возвращении земли помещикам» (что прорывалось только в чаяниях и вождёлениях отдельных лиц, дорвавшихся до своих владений и не понявших, что между прошлым и настоящим прошла революция). Вот почему так легко верили красной пропаганде, изображавшей полуголоое и голодное (и в прошлом, и в настоящем) русское офицерство, составлявшее кадры белых армий, как «помещиков», «банкиров» и т. д.

Недостатки, о которых я говорил — в сфере административного управления, финансовых мер и аграрных распоряжений — принимались за *злонамеренность*; и в результате население, не только в лице крестьянской массы, но порой и городской интеллигенции, как это ни странно сейчас слышать, сначала не шло дальше пожелания приходившим белым — «Помоги вам Пресвятая Богородица», и совершенно не хотело принять на себя хоть часть этой «помощи», а потом начинало мечтать об избавлении, которое, конечно, должно было придти с красной стороны, ибо иного ничего не было!

В конечном результате получалось совершенно нелепое, но одинаково типичное для всех белых фронтов положение:

Когда уходили красные — население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось...

Когда уходили белые — население со злобой высчитывало, что у него взяли...

Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять *все* и брали *часть* — население было обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немногое — и население было озлоблено...

Белые несли законность и потому им ставилось всякое лыко в строку...

Таким путем из главной, основной причины неуспеха вооруженного выступления белых я прихожу к той, *которая вытекает из первой: отсутствие у белых методов действий, которые требовались жестокой обстановкой гражданской войны и небывалой разрухи.*

Если красные «работали» дубиной по обывательским головам, несли революционный режим, грабили «награбленное», уничтожали остатки старого режима и... казнили и убивали за все без исключе-

ния, за всякий намек на сопротивление, то белые, быть может в силу своего наименования, (данного им, как и их противникам, самую жизнь) «работали» в белых перчатках, насаждали законы, призывали к их исполнению и тем самым *сами же связывали себе руки и не получали сочувствия уже распущенного и развращенного демагогией населения.*

Красные обещали *все*, белые только то, что полагалось *по закону...*

Красные в виде аргумента и меры убеждения имели террор и пулеметы; белые угрожали ... *законом.*

Красные отрицали решительно все и возвели в закон произвол; белые, отрицая красных, конечно не могли не отрицать и применяемые красными методы произвола и насилия... Белые не сумели или не смогли быть фашистами, которые с первого момента своего бытия стали бороться методами своего противника! И, быть может, именно неудачный опыт белых и научил впоследствии фашистов?

Население ничего не требовало от красных, так как единственно, чего оно могло, попавши в их руки желать — покоя, оно требовало, конечно, не решалось! От белых же население требовало... чуда, требовало для того, чтобы дать им свою поддержку, в которой не отказывало с самого начала белого движения; оно требовало, чтобы белые, единым манием белой руки, смыли с России всю кровь... Это, конечно, было неосуществимо: белые не только не были чудотворцами, они не были и фокусниками, хотя бы в небольшой части того, насколько это было присуще красным!

На этом, в сущности говоря, я мог бы закончить мое исследование, так как считаю мою задачу, в мере мне доступной, выполненной! В заключение только суммирую все мною сказанное и сделаю самые краткие выводы.

Условия стратегии и тактики, ошибки и промахи, сделанные белыми в этой области, вопросы идеологии белых, качества их вождей и армейской массы — все это, при всем том, что я упоминал на протяжении моей работы — ни в коем случае не было причиной неудачи вооруженного выступления белых. В этом отношении несколько выделяется только то, что мною было приведено в доказательство отсутствия необходимой гибкости в характере белых вождей!

Политика «союзников» в русском вопросе, их всегда в корне своекорыстное поведение, неумение или нежелание белых использовать «новорожденных иностранцев», в лице лимитрофных государств и даже украинцев и, наконец, *тыл* всегда и всюду, в той или иной мере разложенный — все это скорее приближается к тому, что послужило причиной неуспеха белых, быть может и потому, что все то, что портило белый тыл, вытекало в свою очередь из тех причин, которые я считаю главными причинами неуспеха — *неизжи-*

тость населением большевизма и индифферентизм, охватывавший население, когда оно убеждалось, что порядок не восстанавливается белыми по мановению волшебного жезла. Устранить эту последнюю причину, исправить ее злостные последствия мешали основные качества белых, которые не смогли *принудить* население относиться к себе иначе! Я говорю именно о принуждении, так как из всего того, что я уже высказал, явствует, что иные меры, так охотно применявшиеся белыми, меры законные — успеха не имели!

Мне кажется, что если бы истории угодно было поставить нас перед повторением возможности восстановления белых фронтов в России — последние две причины, непосредственно приведшие к проигрышу кампании — не могли бы иметь места! С одной стороны население узнало, что такое большевизм на горькой практике минувших годов; с другой стороны — белые, перенеся горечь поражения, несомненно стали бы действовать иначе! Это несомненно уменьшило бы расстояние между ними и населением, разделявшее обе стороны во время существования белых фронтов!

Нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. При всем разнообразии белых фронтов или вернее областей, в которых им приходилось действовать, при разнообразии условий времени, лиц и обстановки, все белые фронты, без исключения, пережили одинаковые стадии бытия; и это, мне кажется, подтверждает те обобщения и выводы, которые я попробовал установить для всех них.

На самом деле, не показательна ли *одинаковость* в их судьбе! Все они проходили буквально через одно и то же...

Сбор со всех сторон. Энтузиазм первых кадров... Приведу по фронтам — переворот адмирала Колчака на востоке, выступление капитана II ранга Чаплина на севере, успехи ничтожных сил генерала Родзянко на западе и движение в сплошной массе противника армии генерала Корнилова на юге...

Наступление, успех... Выдвижение к Казани и Волге на востоке, выдвижение передовых отрядов к Вологде на севере, подход к Петрограду на западе и линия Саратов — Воронеж — Курск — Киев — Могилев Подольский — на юге...

Неурядицы тыла... восстание во Владивостоке — в Сибири, правительственные осложнения на севере, то же самое на западе, и Махно на юге...

Союзники... противодействие чехо-словаков на востоке, уход англичан на севере, английский флот под Петроградом на западе, первая Одесса и первый Крым на юге...

Отход... разложение...

Предэвакуационный развал, январь—февраль 1920 года... Выдача адмирала Колчака на востоке, восстания в Архангельске и Мурмане — на севере, попытки арестовать генерала Юденича на западе

и офицерские выступления в Новороссийске и Севастополе — на юге!

Только Крым генерала Врангеля, со всеми своими особенностями, которые не входят в рамки моего исследования, и с его беспримерной эвакуацией, избежал общего шаблона!

Мне кажется, что из всего сказанного можно сделать один и не малый вывод: *белые* могли бы победить красных, если бы они сами, в своих методах, в своей деятельности... стали тоже красными. Но несомненно и то, что они могли быть только белыми! За ними осталось их незапятнанное прошлое, их беспредельная любовь к родине, их горький опыт былых неудач... И я хочу верить, что они добьются столь необходимых им материальных и политических возможностей и, оставаясь сами собой, *победят как белые!*

РОССИЙСКИЙ АРХИВЪ

Выходит в свет новый альманах «Российский Архив»,
выпускаемый издательским отделом Студии «ТРИТЭ».

АЛЬМАНАХ

продолжает традиции
русских исторических журналов,
в первую очередь «Русского Архива» П. И. Бартенева;
публикует исторические источники,
хранящиеся в государственных архивах
и личных собраниях;
знакомит всех
ревнителей отечественной старины
с первоисточниками,
помещает в своих томах
только неопубликованные документы;
публикует документы без изъятий,
с сохранением особенностей оригинала;
стремится внести свою лепту
в дело восстановления объективной картины
российской истории.

Студия
«ТРИТЭ»

творческо-производственное
объединение

НИКИТЫ МИХАЛКОВА
